

Человек Котара

Текст Александра Хомякова

Иллюстрация Ксении Сайфулиной

«Странный» психиатрический синдром Котара дает возможность выйти за пределы привычного представления о собственном «Я». Люди, страдающие этим синдромом, считают, что они мертвы, а тело сгнило. Такого рода болезнь несомненно имеет интересные философские импликации. Наиболее кратко, но в то же время полно научная сторона вопроса изложена в статье [Debruynne et al. 2009]. Ниже представлены философские рассуждения, вдохновленные данными современной психиатрии.

— Так вы считаете, что мертвы?

— Нет, мое тело, скорее всего, живо, хотя и кажется мне сгнившим. Оно мне безразлично. Оно не есть я. Мое «я» в этом теле отсутствует.

— Но ведь вы им управляете?

— Да, но я так же могу управлять и машиной, я же не называю ее собой. Это тело мне просто удобно, но я не испытываю привязанности к нему, не считаю эту руку

своей. И могу спокойно ее сменить на протез.

— Если я прикоснусь к ней, вы же почувствуете это прикосновение?

— И что тут такого?

— Значит, она ваша.

— Что значит «моя»? Я чувствую только, что это тело испытывает ощущение от прикосновения, но это тело — чувствует, а не я.

— Как вы это переживаете?

— Это ощущение приглушено, удалено от меня. Я как будто смотрю на него со стороны, через мутное стекло, а не переживаю непосредственно сам. Чувство отстраненности сопровождает все эти притупленные ощущения. Я знаю о них, что их переживает мое тело. Но не я сам.

— То есть вы не чувствуете, что они принадлежат вам?

— Да, я знаю, что тело было, по крайней мере раньше, моим. И именно это тело просыпается по утрам

там, где я его оставил. Но тело для меня — не более чем скафандр, которым я управляю. Могу не управлять, а перейти в другое тело.

— Вот так запросто?

— Именно. Мое «я» не является телом, поэтому свободно от биологического тела и может перейти, например, в компьютерное. Или в лучистую энергию.

— Давайте не будем уходить так далеко. Все-таки вы говорите про себя «я». В вашей речи постоянно присутствует это местоимение. Значит, вы себя ощущаете, знаете о том, что это вы, что вы есть?

— Местоимение — не более чем частица речи в привычном обороте. Это не говорит о том, что за этим местоимением что-то стоит. Это привычная схема мышления, она не обязательно что-то обозначает, не обязательно подразумевает под собой что-то существующее.

— И что же, вы хотите сказать, что в вашем случае за ним вообще ничего не стоит?

— За местоимением — ничего. Это — только слово, производимое телом. Но я знаю, что я существую.

— То есть вы все-таки ощущаете себя как «я»?

— Нет, знать и ощущать — это разные понятия, и эта разница важна! Я знаю, что этот разговор ведет тот, кого обычно принято называть «я». Я знаю, что эти ощущения прикосновения и даже зрительные ощущения принадлежат телу. И я могу о них знать, но не переживать их сам. Я наблюдаю за ощущениями тела. Это не переживание, а название ощущения или чувства. Для меня это — просто абстрактный знак, который я принимаю во внимание, почти никак не переживая его.

— Но вы знаете о своем существовании?

— Смотря что под этим вы подразумеваете.

— Например, вы же помните себя в детстве?

— Да, конечно, но только потому, что того, кого я помню, все называют мной. Я помню это как рассказ обо мне, но ничего не чувствую, когда вижу эти фотографии или вспоминаю истории о том, кого называют мной. Иногда я читаю рассказ о ком-то, и мне кажется, что это тоже могло быть про меня. И испытываю к герою рассказа ровно такое же чувство, как и к герою

рассказа о себе. Никакого.

— Но ведь ваши воспоминания о себе отличаются от других рассказов: вы знаете о себе все подробности, в отличие от рассказанного о другом.

— О себе в детстве я тоже не помню всего. И скорее домысливаю воспоминания так же, как придумываю себе подробности рассказа, которых нет в книге. Мной в моих рассказах о себе мог быть кто угодно, кого называли моим именем и фамилией. Вы же знаете об имплантации памяти, это несложно сделать даже со здоровыми людьми.

— А вспоминая о себе в прошлом, вы ничего не чувствуете?

— Нет, у меня нет того чувства знакомости и привязанности, приятной грусти от восприятия образа себя. Вы считаете, что ваше я — это ваша привязанность к привычным образам и ощущениям, то чувство, что возникает, когда вы их видите или испытываете снова. Когда вы потягиваетесь, возникает очень знакомое ощущение проприоцепции, смешанное с приятным чувством — вы узнаете его как принадлежащее вам, потому что кроме вашего тела ничто его не может породить, в чем вы убеждались тысячу раз за свою жизнь. Вы говорите себе — «это я». А я не говорю, потому что для меня это — ощущение тела.

— Память о себе не убеждает вас в том, что вы сейчас — это вы в прошлом по истечении времени?

— Мое «я» находится вне времени, оно не имеет истории, но может видеть прошлое так же, как настоящее. Время безразлично для меня. И плохо различимо: я не знаю точно, я говорю с вами сейчас или вспоминаю о нашем разговоре.

— Но все-таки вы же различаете, где вы находитесь сейчас и где были до этого? Вы же понимаете, просясь, что то, что вы делали вчера, вы совершили в прошлом?

— Когда я просыпаюсь утром, я не знаю точно, кто я. Я помню, что кто-то засыпал в этой же кровати вчера, но я не чувствую непосредственную связь с ним. Я понимаю, что это, наверно, был я, но мне трудно сказать это с уверенностью, потому что для меня это только знание — точно такое же, как и любое другое знание

о любом другом действии. Я мог прочитать о нем в книге и так же считать себя героем книги, заснувшим на такой же постели вчера.

— Вам, наверное, тяжело с таким чувством непричастности к своему прошлому?

— Нет, уже не тяжело. Я давно пребываю в таком вневременьи. Даже календарь для меня ничего не значит. Я не чувствую разницы между вчера и сегодня. И не помню, что это за чувства тоски по прошедшему и легкой грусти от воспоминаний, о которых пишут в книгах. Я только знаю, что такое чувство есть. И, наверное, оно даже было у меня, когда я был обычным человеком.

— И вам не трудно жить совсем без ярких чувств?

— Да, я — человек без чувств, это ужасно для человека, но это наше будущее. И в этом смысле я — человек будущего, в отличие, например, от вас. Да, да, не удивляйтесь, я вполне отдаю себе отчет в своих словах. Я превосхожу вас своим холодным рассудком, физически не зависящим от чувств тела. Вы не можете избавиться от них, они определяют ваши мотивы и поступки, они мешают вам думать трезво, воспринимать мир таким, какой он есть, — бесчувственной материей.

— Но мне нравится переживать мир, а не просто видеть его.

— У меня — другие стремления. Я получил свободу от чувств. И это дало мне новые ощущения — ощущения свободы мысли и небывалых возможностей.

— В чем, например, это выражается?

— Я чувствую свою связь с другим человеком так же, как с компьютером. Это — два равных для меня существа. Вам этого не дано, вы ищете свои чувства в компьютере, одушевляете его, лишь бы он был похож на человека. А это глупо: он — не биологическое тело, ведомое эмоциями. И здесь «чувствующие» ограничены в своих способностях понять другое «тело».

— Но страсти дают мне, например, ощущение моего существования. Я переживаю этот мир, и мне не понятно, какова жизнь без переживаний. Мне кажется, так жить невозможно. Вы не хотели бы вернуться в прежнее состояние и ощутить себя вновь?

— А почему вы решили, что вы существуете, когда

чувствуете?

— Ну как же, в отличие от вас я вполне явно и ярко испытываю радость от общения, движения, созерцания. Я чувствую себя через эти переживания и эмоции от них.

— Вы чувствуете себя, когда испытываете эмоции? «Вот он «я», радуюсь или гневаюсь», — так?

— И так тоже. Иначе меня нет. А именно это о себе вы и утверждаете в силу притупления эмоций.

— И вы считаете, что существуете как нечто большее, чем тело?

— Безусловно.

— Но ваши переживания — это же переживания тела. Вы чувствуете радость, но это чувство принадлежит телу, а не какому-то «я». Именно тело испытывает радость как эмоциональное состояние, которое можно проследить по изменениям в его органах, как вы, безусловно, знаете.

— Наверно, не стоит так радикально редуцировать все к телу. Есть и более тонкие чувства.

— Вы же должны знать, что все эти «тонкие чувства» все равно суть эмоции в разных их сочетаниях с представлениями, которые и создают их оттенки. Любовь к родине и любовь к фруктам отличаются только контекстом и целями, к которым они ведут — социальному или пищевому удовлетворению.

— Возможно, но разве это умаляет их важность для моего «я»?

— Нет, вы только и различаете себя, когда узнаете свои действия и свои чувства. Но когда я перестал чувствовать эмоции своими, отстранился от них, я понял, что меня в другом качестве и нет. Именно поэтому я говорю, что я умер. Хотя как тело я продолжаю, наверное, существовать.

— Но как тогда вам такой аргумент: Cogito, ergo sum? Я — это мои мысли, а не тело!

— Я над этим много думал. Но знаете, все равно все сводится к телу. Для нас характерно речевое мышление, то есть осознаваемая вами «своя» мысль — не более чем внутренняя речь. Не буду перечислять тут известных авторов, которые это утверждали, вы сами их знаете. Но что такое речь? Движение мускулатуры

гортани. Вот был такой фокусник в начале XX века в России, он отгадывал загаданное испытуемым слово, обозначающее действие, просто держа его руки в своих. Он чувствовал мельчайшие движения рук и отгадывал по ним его намерения. Мысль — тоже телесна! И мысли ваши порой можно считать с моторных нейронов, гортани, языка, пальцев.

— А если мыслит тело, то опять же это не ваше «я», так?

— Именно!

— Что же вами движет, если мир для вас такой бесчувственный, и даже вас самого, чувствующего и мыслящего, не существует? Вы не похожи на меланхоличного, безвольного человека, чем меня сильно озадачиваете.

— Что остается после отрицания своего тела, эмоций и даже мысли?

— Не знаю, что же?

— Когда вы отринете все, что связано с телом — память, чувства и даже мысли — останется только одно — воля. То, что заставляет идти против влечений, привычек и инстинктов тела. Чистая воля, без чувств, без эмоций, без мучений, — одно только хладнокровное решение. Тело для воли — всего лишь робот, которым она управляет. Если им не управлять, он не стоит, как машина. Он обладает своими внутренними влечениями и автоматизмами. Но ваша воля — это то, что может им противиться, их менять! Поэтому мы, люди, так любим свободу воли! Несмотря на всю ее противоречивость детерминистской науке, отвергающей саму возможность такого произвола. Мы держимся за эту свободу как за последнюю соломинку. Потому что эта соломинка — единственное проявление настоящего «я». То самое, которое я обнаружил в себе после смерти моего телесного «я». Мы существуем, пока сопротивляемся природе, пока проявляем свою волю. *Volo, ergo sum*. Только в этом мы можем различить себя. И даже другого как субъекта.

— Другого?

— Да-да, зомби не способен на проявление воли, но если она у него есть, он — субъект! Значит, у него есть внутренний мир. Потому что тогда он будет сопротив-

ляться существующему укладу, даже своему собственному. А для этого надо иметь нечто, что захочет пойти против существующего и будет иметь представление о том, как может быть иначе, ради чего и приходится проявлять волю. А таким может быть только субъект.

— Это интересная мысль. Но где же у зомби «я»? Пусть даже у него есть воля, но где тот, кто ее проявляет?

— Это мы привыкли так мыслить, что «я» действует над чем-то, но само всегда в стороне. Нет, именно воля сама себя действует! И это и есть ваше истинное «я». «Я» — это не гомункулус, живущий где-то сам по себе, а, собственно, процесс воления!

— Простите, но не понимаю вас.

— Смотрите, почти все действия — привычные действия — определяются обстоятельствами и мотивами. Они безвольны. Но человек способен изменить привычный ход событий. Что заставляет его измениться? Что превращает детерминированное в произвольное? — Процесс воления. Ваше «я» — это точка опоры для такой перемены. Оно обнаруживает себя в самой этой перемене. Понимаете?

— Хорошо, предположим. Но как это согласуется с вашими идеями про человека будущего?

— Спасибо, что напомнили. Отринув тело, воля становится поистине свободной, прежде всего — от всего телесного. И в таком состоянии вам без разницы, каким телом управлять: биологическим, компьютерным или космическим. Вы свободны в своем выборе; вы — Сверхволя, повелевающая материей! Вы — чистая субстанция воли, а не тела. Единственное, с чем воля связана, — так это со знанием возможности иного положения дел, к установлению которого она и направлена.

— Вы считаете, что вы обладаете этой «сверхволей»?

— Да. Для этого мне пришлось пройти через то, что вы наблюдали и окрестили в сумме «синдромом Котара», поставив мне его как диагноз: через затяжную депрессию, дереализацию, психические атаки и нигилизм. Я прошел даже через осознание собственной смерти! Я прошел через ад! Даже хотел умертвить свое тело. Но все эти мучения оправдались. И вот я уже не

гусеница, спеленатая невидимыми нитями страдания в коконе, а величайшая бабочка из всех когда-либо существовавших!

— Это самое необычное течение депрессии за всю мою клиническую практику.

Библиография

1. Debruyne et al. 2009 — Debruyne H., Portzky M., Van den Eynde F., Audenaert K., Audenaert Cotard's syndrome: A review // Current Psychiatry Reports, 2009, June, Volume 11. Issue 3, P. 197–202.

